

**Соотношение текста и контекста в светской
герменевтике (на примере работы «О подложности
Константинова дара» Л. Валлы):
философско-исторический аспект**

© В.А. Нехамкин, Г.В. Черногорцева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрено становление светской герменевтики в XV в. с позиций философско-исторического анализа. С данной целью изучена работа Л. Валлы «О подложности Константинова дара». Реконструированы аргументы, с помощью которых Л. Валла обосновывал фальсифицированный характер указанного документа, дан их критический анализ. Показано воздействие контекста (социально-политических условий в Италии первой половины XV в.) на формирование данного текста. Продемонстрировано влияние на работу Л. Валлы трудов античных философов (Аристотель) и историков (Фукидид). Герменевтический вопрос соотношения текста и контекста введен в более широкую панораму проблем философии истории. Показано влияние идей Л. Валлы на последующее развитие герменевтики.

Ключевые слова: герменевтика, текст, философия истории, история, Л. Валла, контрфактическое моделирование прошлого

XV век — часть сложного исторического периода, получившая обозначение как эпоха Возрождения (примерно XV–XVI вв.). В это время происходила ломка устоявшихся за длительные Средние века (примерно VI–XIV столетия) социальных устоев, типов миропонимания, взглядов на роль церкви (в Западной Европе — католической) в жизни общества. Подобная перестройка мировоззрения и общественной жизни протекала противоречиво в разных сферах социума. Не отказываясь (в силу разных причин) от Бога как центра мироздания, мыслители старались сузить сферу влияния и притязаний католической церкви на регулирование социальных порядков. Процесс осуществлялся как на практике (когда политические образования Апеннинского полуострова боролись против власти римских пап, претендовавших на тотальный контроль данной территории), так и в сфере теории (в произведениях отдельных философов эпохи Возрождения, обосновывавших ложность подобных притязаний духовенства на светскую власть). Ситуация носила крайне противоречивый характер. Например, отдельные церковные деятели (подобные кардиналу Николаю Кузанскому) могли оказаться на уровне передовых ученых: заниматься математикой, выдвигать гелиоцентризм как

«гипотезу», объясняющую строение Вселенной лучше доминирующего со времен Птолемея геоцентризма. В то же время социальные мыслители могли в течение жизни (порой короткой) как активно критиковать католическую церковь, так и быстро менять мнение на противоположное в угоду сложившимся обстоятельствам. И дело было не только в страхе, «чувстве неуверенности», влиявшем на «умы и души людей» в средневековье [1, с. 302], их поведение. Трансформировался мир вокруг, и в его восприятии человек часто менял позицию для лучшей адаптации к переменам.

Указанные общественные катаклизмы очередной переходной для европейцев эпохи тесно соприкасались с текстами своего времени, порождая трансформации уже на теоретическом уровне: в рамках учения об их толковании — герменевтики, которая стала зарождаться еще в античности и получит терминологическое обозначение и научное обоснование в XIX столетии. Один из примеров наложения герменевтики на социальные условия, их взаимное влияние будут рассмотрены далее.

В 1440 г. выходит трактат итальянского гуманиста, философа Л. Валлы (1407–1457) «О подложности Константинова дара» («Рассуждения о подложности так называемого Константинова дара»). «Константинов дар» — указ о передаче власти над Римской империей духовным властям (римским папам) после легализации христианства императором Константином в начале IV в. Документ неоднократно «обвинялся» в фальсификации до XV в. Но лишь Валла смог поднять аргументацию противников подлинности распоряжения императора Константина на качественно новую высоту. В политическом плане он оспорил притязания римских пап, желавших распространить свою власть над всем Апеннинским полуостровом. (Напомним, что единым государством Италия станет только во второй половине XIX в.)

Авторов настоящей статьи произведение Валлы интересует с другой стороны: как этап развития философской герменевтики, которая проходила в данный период эпохи Возрождения трудный путь от анализа священных к познанию светских текстов с полным использованием возможностей «свободного» от религии разума. И здесь на первый план выходит проблема соотношения самого текста и породивших его социально-исторических условий, т. е. контекста. Позже ее также изучали сторонники данного направления в философии. Например, Г. Гадамер предупреждал, что, «обращаясь к любому тексту, мы признаем своей задачей не пользоваться просто и без проверки собственным словоупотреблением..., но добиваться его понимания, исходя из словоупотребления эпохи и (или) автора» [2, с. 319]. Другими словами, текст нельзя понять без анализа периода, исторических условий, в рамках которых он возник, ибо его создатель мог вкладывать в одни

и те же слова смысл, отличный от современного. Эту мысль подчеркивает П. Рикер: «Всякое чтение текста самого по себе связано... с вопросом, о том, “с какой целью” он был написан, и всегда осуществляется внутри того или иного общества» [3, с. 4].

Здесь у сторонников герменевтики возникала проблема так называемого герменевтического круга. Чтобы лучше понять текст, требовалось знать контекст. Но без предварительного изучения текста нельзя было осмысливать его появление (контекст). Возникал вопрос: с какого элемента (текста или контекста) начинать анализ? Как разорвать данный «герменевтический круг»? Религиозная герменевтика в средневековье (Бл. Августин и другие теологи) начинала с текстов (Св. Писания, работ Отцов церкви и др.), которые нельзя было трактовать буквально, чтобы случайно не впасть в ересь. В целом рассуждения Бл. Августина строились следующим образом: «Между тем, читатели нерассудительные, читая ненадлежащим образом, по тому самому часто обманываются, встречая в Писании *множество темноты и неясности, неправильно поставляя один смысл вместо другого, а в некоторых местах вовсе не находя никакого смысла* (курсив авт. — В.Н., Г.Ч.). Такой мрак представляют в себе для таких людей некоторые неясные места Писания. Не сомневаюсь, что Промысел, допустив некоторую темноту в Писании, имел при сем мудрую цель — дабы трудностью в изыскании точного смысла его смирить гордость человеческую, и чтобы наш рассудок предостереечь от пресыщенности — этот рассудок, который, по большей части, почитает неважным то, что легко можно открыть» [4, 2:7]. Поскольку тексты исходили от Бога, их правильной интерпретацией должны были заниматься специально обученные теологи. Иных «толкователей» сюда не допускалось.

На фоне предшествующей традиции труд Валлы особенно любопытен в ряде аспектов. Во-первых, Валла написал работу под «заказ», чего не скрывал. Он обосновывал подложность «Константинова дара», чтобы доказать правоту претензий его властелина — неаполитанского короля Альфонсо V в борьбе за контроль над Неаполитанским королевством с римскими папами. Валла не мог быть объективным хотя бы потому, что являлся у короля Альфонсо секретарем. Значит, «контекст» определял параметры, направления создания текста, и это почти классический случай такого подхода, что противоречило теологической герменевтической традиции.

Во-вторых, Валла родился в семье, приближенной к папской курии. После ряда странствий он становится секретарем короля Альфонсо, пишет не только работу «О подложности Константинова дара», но даже антиклерикальные речи. В том числе за них попадает в 1444 г. под «заочный» суд инквизиции, от которого его спасает король Неаполя. Показательно, что «благодарность» монарху за помощь

была недолгой. В 1448 г. Валла (видимо, используя родственные связи) возвращается в Рим, получает «прощение» за прежние взгляды от папы Николая V и становится апостолическим секретарем и каноником Латеранской базилики, преподает риторику в Римском университете. Получается, что прежний антипапский контекст он смог «легко» сменить во имя новых выгод. Значит, изменение контекстов способно порождать новые тексты.

В-третьих, Валла (по крайней мере на момент написания работы «О подложности Константинова дара») — представитель светской (хотя он также знал теологическую) герменевтики, наследник античных ее традиций. Дело не только в увлечении мыслителя риторикой и ораторским искусством. Валла — автор трактата «О сравнении Цицерона с Квинтилианом», где сопоставлялись тексты (речи) двух ораторов, преподаватель риторики в Падуе (до отъезда в Неаполь).

Валла берет из античности очень интересный прием создания текста на базе конструкции «как если бы». Работа «О подложности Константинова дара», по сути, — воображаемая речь, которую философ произносит перед потенциальными слушателями («представляю себе, что я говорю в собрании королей и князей»). Он создает и озвучивает возможные речи папы Сильвестра, императора Константина о данном «даре». Подобный подход тоже использовался еще в античности. Например, Фукидид таким способом реконструировал речи участников Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.), ибо «в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно... Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать подходящего по данному вопросу (причем я... придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории» [5, с. 13]. В таком смысле интересны рассуждения Аристотеля в «Поэтике»: поэзия, отражающая то, что могло бы быть, философичнее и серьезнее истории, рассказывающей о единичных вещах. «Задача поэта — говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости. Ибо историк и поэт различаются... тем, что один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном. Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то [характеру] подобает говорить или делать то-то; это стремится доказать поэзия, давая [героям вымышленные] имена. А единичное — это, например, что сделал или претерпел Алкивиад» [6, с. 655]. Валла, опираясь на античную традицию, осуществил для опровержения «Константинова дара» своеобразное моделирование потенциальной ситуации, став при этом из историка отчасти писателем («поэтом», как сказал бы Аристотель). Более того, мыслитель переносит себя в прошлое, «воскрешает» различных его героев и проводит

с ними и современными ему деятелями своеобразный «симпозиум», который был распространен у античных философов как способ обмена мнениями. И такой «воображаемый контекст» не может не интересовать уже философию истории, изучающую в том числе альтернативные варианты прошлого. Ведь, по справедливому замечанию А.Я. Гуревича, любое «общество живет как бы в двух измерениях — в материальном мире и в мире воображения... Разграничение между ними весьма условно» [7, с. 34].

В-четвертых, лица, привлеченные на воображаемый совет по поводу критики «Константинова дара», не просто собираются, а ведут своеобразный диалог. Здесь в специфической форме проявляется поднятая на щит более поздней герменевтикой концепция «диалога» как формы познания прошлого людей. Дело в том, что «историк обречен иметь дело с текстами. Между событием “как оно есть” и историком стоит текст» [8, с. 353]. Отсюда, «изучая людей во времени, мы не создаем отношение субъекта к объекту, — мы вступаем в диалог с ними...» [9, с. 15]. Специалист задает через имеющийся текст человеку прошлого (например, XIII в.) вопросы, на которые он отвечает. Хотя право трактовки данных «ответов» остается у представителя современности, ибо историк интерпретирует источник из интересов настоящего, его как бы «конструируя» [9, с. 15]. Удивительно, но Валла решил задачу оригинальнее потомков. Он заставил через заданный ему королем Альфонсо контекст-заказ «реально-воображаемых» героев прошлого создавать ему «нужный» текст. Таким образом, текст и контекст у итальянского мыслителя соединяются.

Обратимся к структуре работы Л. Валлы. Она строится следующим образом. В начале провозглашается тезис: «Константинов дар — это подлог, либо сами (римские папы — *примеч. авт.*) этот подлог создавали, либо, следуя по стопам своих предшественников, защищали истинность этого дара, о подложности которого они хорошо знали... Им (папам) вообще принадлежит весь Запад, ибо все... это содержится в тексте дарственной грамоты» [10]. Валла сразу поясняет, на чьей он лично стороне в данной дискуссии: «А я, напротив, считаю, что будет справедливее позволить князьям (итальянским — *примеч. авт.*) лишить тебя всей власти, которой ты (папа) обладаешь» [10]. Здесь на Валлу отчетливо влияет контекст: секретарство при короле Неаполя.

После преамбулы философ выстраивает аргументы в пользу подложности якобы изданного Константином документа. Авторы настоящей статьи подразделяют тезисы Л. Валлы на ряд групп, давая им собственное терминологическое обозначение:

- общий аргумент: монархи, как правило, борются за сохранение своей власти, а не за передачу ее другим правителям. Валла выводит здесь специфическую закономерность: «Разве может быть для вас

что-нибудь более желанным, более приятным, более сладостным, нежели присоединение новых земель к вашим империям и королевствам, нежели распространение вашей власти вширь и вдаль, насколько это только возможно» [10]. Получается, что римский император Константин почему-то действует противоположным образом: отдает свои земли римскому папе. Это явное противоречие распространенной тогда (в Римской империи) и позже монархической практики;

- фактический аргумент: документ противоречит существовавшим в IV в. социальным порядкам в Риме. Так, папа Сильвестр после издания данного указа должен был бы стать императором, получить формальные атрибуты высшей светской власти, которые проявились бы в сфере государственных символов. Но информация о последующей римской истории такое допущение опровергает: например, известны из исторической литературы все римские императоры после Константина, но Сильвестр среди них не упомянут. Нет монет с изображением Сильвестра как правителя Римской империи. Получается, что император Константин одновременно приказал отдать власть Сильвестру, но на практике этого не сделал. Вновь возникает противоречие между действительностью (контекстом) и документом;

- юридические аргументы: император не мог без сопротивления иных высших чиновников разделить территорию империи и отдать часть ее пространства церкви;

- религиозные аргументы. Церковь при таком подходе, ее действия противоположны установкам Библии, христианским заповедям. «Кесарю Кесарево, а Богу — Божье». Ведь Христос претендовал не на земную, а на духовную власть над человеком;

- текстовые аргументы. Вторичность источника, отсутствие оригинала: нет аутентичного документа, подтверждающего Константинов дар (его лишь цитируют по иным работам). Нет трудов, распоряжений или иных документов, исходящих от самого Сильвестра, где бы он подтверждал переход Западной Римской империи под власть римских пап по решению императора Константина.

Как оценивать аргументы Валлы? Общий аргумент при его сравнении с практикой работает против Валлы. Разделение Римской империи на Западную и Восточную все же произошло в конце IV в. (в 395 г.), при преемниках Константина (императоре Феодосии I) для «удобства управления» страной. Так что указанный аргумент Валлы ложен. Кроме того, философ видит стремление монархов к укреплению своей власти, но не замечает того, что ее приходилось передавать наследникам. Подобная практика не один раз приводила к расколу государств, смутам, гражданским войнам. Например, сложная система передачи верховной власти в Киевской Руси стала одной из

причин распада данного государства к началу XIII в. на удельные княжества.

Более серьезен фактический аргумент. Он отсылает к исторической науке в целом, к одной из ее будущих вспомогательных дисциплин — источниковедению. В наиболее крайней форме методологов истории начала XX в. Ш. Ланглуа и Ф. Сеньобоса тезис звучит категорично: «История пишется по документам... Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей... Всякая мысль и... поступок, не оставивший следа..., навсегда потеряны для истории. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории» [11, с. 13]. Валла также обращается к иным вспомогательным историческим дисциплинам — нумизматике (нет монет с изображением императора Сильвестра, нет и его власти), геральдике (нет герба, иных символов с изображением Сильвестра как правителя) и т. д. Важно, что Валла не сводит документ лишь к письменному источнику, а рассматривает их многообразие. Вместе с тем данный аргумент интересен с точки зрения герменевтики: текст не может появиться, претендовать на истинность, если не порождает еще одного текста, в том числе материального (монет с изображением императора Сильвестра, его имени в списке известных римских правителей и т. д.).

Юридический аргумент Валлы отчасти верен. Действительно, вряд ли решение императора Константина поддержали бы римские чиновники, многие из которых оставались язычниками к моменту легализации христианства в империи. Они могли бы сопротивляться желанию Константина передать власть римскому папе. Вместе с тем подобное противодействие — проблема решаемая. Тем более что количество чиновников-христиан, «приближенных к престолу» в правление Константина, неизбежно росло. Отсюда данный аргумент Валлы не кажется полностью убедительным.

Религиозный аргумент спекулирует на расхождении между доктриной католической церкви, ориентированной на служение Богу, критику пороков мирской власти, и ее практикой — стремлением контролировать земных владык (особенно в Средние века, а также во времена жизни Валлы). Пример ситуации «хождения в Каноссу» императора Священной Римской империи Генриха IV в 1077 г., отлученного от церкви и решившего через поиск прощения у римского папы вернуться к власти, ярко подтверждает вторую тенденцию. Католическая церковь сыграла огромную организационную и идеологическую роль в организации Крестовых походов в конце XI в., которые осуществляли светские власти ряда европейских государств. Однако здесь «контекст» играет против позиции Валлы. «Константинов дар» относится к эпохе, последовавшей сразу после легализации христианства в Римской империи. И поэтому светские правители не могли видеть

в христианской церкви (еще не разделенной на католичество и православие, не имевшей пока даже общего Символа веры) потенциальную угрозу своей власти. Более того, порой церковные деятели настаивали на смягчении решений римских кесарей, миролюбии и т. д. Отсюда разделение церкви и государства в данный момент не могло стать тотальным (первая занимается духовной сферой, вторая — глубоко материальной жизнью людей и ее регулированием). Стоит отметить, что примерно полвека спустя после работы Валлы в формирующемся Московском государстве появится доктрина инок Филофея «Москва — Третий Рим», где среди прочего будет выражена идея «симфонии», т. е. единства действий духовных (православных) и светских (монархических, царских) властей. Поэтому религиозный аргумент Валлы сложно признать полностью справедливым.

Отсутствие оригинала «Константинова дара» — аргумент серьезный с точки зрения историка и будущего источниковедения. Валла утверждает, что только косвенные сведения о документе (если нет прямых) свидетельствуют о его подложности, несуществовании. Значит, с позиции соотношения текста и контекста существование последнего (в лице цитирования) — не доказательство наличия первого. Более того, нет реакции на «Константинов дар» других участников данной ситуации. Римский папа Сильвестр при наличии документа должен был высказаться о нем. От имени церкви принять (или даже отвергнуть) власть над Западной Римской империей. В случае согласия с получением верховной власти церкви требовалось одобрить соответствующие документы, направленные на реализацию воли императора Константина. Их тоже нет. С точки зрения герменевтики и ее главной проблемы складывается следующая ситуация. Текст («Константинов дар») должен был создать новые социальные условия, т. е. контекст (наиболее вероятный — принятие «дара» церковью), а он обязан был породить новые тексты: документы со стороны церкви о согласии с указом императора Константина. Получается схема: текст 1 — контекст — текст 2. Но текста 2 нет. Значит, текст 1 никогда не существовал. Соответственно, Валла своеобразно «разрывает» герменевтический круг «текст — контекст» через еще один текст, порожденный контекстом.

В методологическом плане интересно, что герменевтика Валлы противоречива. Она одновременно настаивает на доминировании контекста над текстом (преамбула работы, общий и религиозный аргументы), потом рассматривает текст и контекст в единстве (фактический аргумент), наконец, полагает, что текст должен порождать контекст, создающий новый текст (текстовый аргумент). Вместе с тем в таком подходе видится рациональное зерно — невозможность однозначно определить, какой элемент (текст или контекст) в данной связке главный. Эта неопределенность перейдет в последующую герменевтику.

Более того, в работе Валлы видна определенная «точка бифуркации», содержащая дальнейшие варианты решения данной проблемы по ряду направлений. Во-первых, абсолютизация «контекста» (условий возникновения текста) в пике предшествующей христианской герменевтике. Во-вторых, рассмотрение текста и контекста в единстве. В-третьих, попытка выйти за пределы их бинарной оппозиции через констатацию необходимости порождения исходным текстом через контекст нового текста. Если данной динамики не наблюдается, то существование первичного текста ставится под вопрос. Таким образом, работа «О подложности Константинова дара» намечает варианты прорыва «герменевтического круга», реализованные в более поздние времена.

В исследовании Валлы поднимается ряд вопросов, связанных не только с герменевтикой, но и с философией истории. Во-первых, он разрабатывает методологические вопросы правильной интерпретации различных порожденных прошлым текстов, которые поднимались как минимум начиная с Фукидида. Вместе с тем Валла уходит от озвученного еще в античности «гносеологического» идеала изложения истории как объективного процесса описания фактов с минимумом «добавлений» от самого исследователя, «рассказывать все так, как оно было» [12, с. 418], «добру и злу внимая равнодушно», «не ведая ни жалости, ни гнева» (как летописец Пимен из трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкина). Валла четко занимает «сторону» в противостоянии римских пап и короля Неаполя, чем существенно отличается от коллег в подходе к интерпретации прошлого.

Во-вторых, Валле не чуждо контрфактическое моделирование истории, хотя философ осуществляет его на уровне отдельных исторических персонажей. Теория строится исходя из допущения: что бы данные личности (живущие в XV в. монархи и давно умершие деятели) говорили, если бы обсуждали «Константинов дар»? Кроме того, Валла склонен создавать сценарии потенциальных событий. Он рассуждает: «Допустим, что Сильвестр действительно вступил во владение (Римской империей — *примеч. авт.*) и что все это совершилось тогда таким необычным и противоестественным образом. Хотелось бы все же знать, каких людей поставил Сильвестр во главе провинций и городов, когда Константин удалился?» [10]. Более того, мыслитель пытается проверить такое допущение ссылками на реальное положение дел.

В-третьих, Валла поднял проблемы роли личности в истории и ее движущих сил. Историю реализуют правители и духовные лидеры (в этом смысле философ — волюнтарист [13]), но им надо дать правильное представление о положении дел, чтобы они могли принимать верные решения. Здесь есть отголоски будущей теории «просвещенного правителя (монарха)», которую в XVIII в. начнут

пропагандировать и развивать деятели эпохи Просвещения (Вольтер, П.А. Гольбах, Д. Дидро и др.).

В-четвертых, Валла видит изучение прошлого как диалог между ним и настоящим, в котором философия играет важнейшую роль [14]. С одной стороны, он презентист (т. е. трактует прошлое в угоду современности), ибо настоящее (социальный заказ короля Неаполя) диктует ему главную посылку исследования. С другой стороны, он мысленно «оживляет» героев прошлого (папу Сильвестра и других), которые общаются с правителями настоящего по данному вопросу, произносят «речи».

В-пятых, Валла рассматривает прошлое не просто как информацию для занимательного чтения, а как средство извлечения полезных для современных людей сведений. А значит, он поднимает историческую проблему поиска исторических «уроков».

Подведем итог. Что дала работа Валлы «О подложности Константинова дара» для развития светской герменевтики? Во-первых, Валла своеобразно «разорвал» герменевтический круг, решавший вопрос о первичности текста или контекста для его интерпретации. Контекст может и должен порождать новый текст, позволяющий установить подлинность исходного. Так, если нет документа о принятии римским папой Сильвестром власти над Римской империей (или отказе от нее), то «Константинова дара» не существует.

Во-вторых, у исследователя есть право выбора любого контекста и его последующей субъективной интерпретации. Никто не может его навязать. Специалист волен внезапно, произвольно сменить контекст. Логика данного «перехода» проста. Сегодня человек работает на короля Неаполя и в угоду его интересам доказывает подложность Константинова дара. Завтра (перейдя на службу к римским папам) может поставить под сомнение собственное мнение о подложности «Константинова дара» (хотя на практике Валла этого не сделал, но вполне мог). Отсюда (произвольный выбор изучающего текст субъекта) берет начало характерное для более поздней герменевтики явление, названное Рикером «конфликт интерпретаций» [3]. Причем Валла смело ушел здесь от традиций религиозной герменевтики, требовавшей «соизмерять» анализ текста с Библией, трактатами Отцов церкви, указаниями папской курии и прочими установками «авторитетов». Интерпретатор свободен солидаризироваться с любым контекстом.

В-третьих, Валла ввел в герменевтику альтернативное моделирование прошлого как способ анализа текста. И он внес свою новизну в применение данного метода, изученного одним из авторов [15]. Ранее античные историки реконструировали потенциальные ситуации прошлого. Например, Тит Ливий описывал ирреальную войну войск Древнего Рима и сил Александра Македонского [16, с. 517–522]. Рассуждали на эту тему Прокопий Кесарийский и иные средневековые

историки, а потом военные теоретики более поздних времен [17]. Валла намеренно «организовал» не имевшую место на практике встречу политических деятелей прошлого (IV в.) и настоящего (XV в.) для опровержения «Константинова дара». Напомним: Фукидид осмеливался использовать метод «как если бы» только для реконструкции речей отдельных деятелей, чтобы лучше осмыслить произошедшую на самом деле историю. Валла смело соединил в одном месте разных персонажей на своеобразном «суде» для доказательства отсутствия существования определенного текста. Ирреальная «встреча» стала аргументом в споре относительно правильного понимания текста [18]. Это тем более интересно, что подобная установка противоречила мыслителям не только античности, но и последующей эпохи Просвещения XVIII в. Они, подобно Вольтеру, преимущественно трактовали историю как «истинное изложение действительно имевших место фактов, в противоположность басне», являвшейся «ложным сообщением о фактах, которых в действительности не было» [19, с. 307]. Получается, Валла вел герменевтику не прямо к классическому научному познанию с доминированием принципа объективности в изучении прошлого, уже находившемуся на горизонте, а куда-то еще.

В-четвертых, Валла смело отбросил объективность как принцип интерпретации прошлого вообще и пришедших оттуда текстов в частности. И это был тоже смелый разрыв не только с традициями теологии, но и с распространенной позицией античных историков. Будучи субъективным (и открыто провозглашая такую позицию), исследователь может понять текст лучше, чем стремясь казаться объективным. Позиция на первый взгляд парадоксальная, но не лишенная смысла.

В-пятых, фактически Валла применил субъективность и определенный «воинствующий» антиобъективизм для анализа не полного корпуса существующих текстов, а лишь их политически обусловленной части, даже сугубо одного из них («Константинова дара»). Надо ли подобные принципы исследования переносить на любые тексты? Данный вопрос, по мнению авторов настоящей статьи, остался у итальянского мыслителя без ответа. В идеале объективизм и субъективизм в анализе текстов исследователем должны находиться в определенной гармонии, чтобы не делать герменевтику «однобокой». Однако способы достижения подобного состояния — тема отдельного исследования. А Валла через абсолютизацию одной из сторон показал ее познавательные пределы.

Итак, герменевтик у Валлы становился своеобразным «бунтарем», порывавшим с традиционными устоями познания не только средневековья, но и античности, на которую, как на идеал, оказались ориентированы многие деятели эпохи Возрождения. И в этом была, по мнению авторов настоящей статьи, его главная заслуга в развитии

герменевтики. Хотя сам Валла в итоге перешел от противостояния католической церкви к соглашательству (что демонстрирует противоречивость самого периода), но указал путь, к которому надо стремиться другим. Некоторые применяемые методы (контрфактическое моделирование текстовой реальности и ее теоретическое «оправдание», разрыв герменевтического круга через обязательность порождения контекстом нового текста как условия существования исходного, нарочитая субъективность при изучении «Константинова дара» и т. д.) свидетельствуют о том, что Л. Валла предпринял в рамках герменевтики попытку «перепрыгнуть» будущее влияние классической науки на интерпретацию текстов и сразу «попасть» в неклассическую. В полном объеме такой путь не мог оказаться удачным, но указывал дорогу исследователям XX–XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Москва, Прогресс — Академия, 1992, 376 с.
- [2] Гадамер Г.Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. Москва, Прогресс, 1988, 704 с.
- [3] Рикер П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. Москва, Медиум, 1995, 406 с.
- [4] Августин Бл. *Христианская наука, или Основания священной герменевтики и Церковного красноречия*. Санкт-Петербург, ВІВЛІОПОЛІС, 2006, 508 с.
- [5] Фукидид. *История*. Москва, Ладомир, 1993, 543 с.
- [6] Аристотель. *Сочинения*. Москва, Наука, 1983, 701 с.
- [7] Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки. *Вопросы истории*, 1991, № 2–3, с. 24–35.
- [8] Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. Москва, Языки русской культуры, 1996, 464 с.
- [9] Гуревич А.Я. *Исторический синтез и Школа «Анналов»*. Москва, Индрик, 1993, 328 с.
- [10] Валла Л. Рассуждения о подложности так называемой дарственной грамоты Константина. *Библиотека древних рукописей*. URL: https://drevlit.ru/texts/v/valla_podl1.php (дата обращения 07.10.2025).
- [11] Ланглуа Ш.В., Сеньобос Ш. *Введение в изучение истории*. Санкт-Петербург, Образовательная библиотека, 1899, 279 с.
- [12] Лукиан из Самосаты. *Избранное*. Москва, Издательство художественной литературы, 1962, 514 с.
- [13] Нехамкин В.А. Модели роли личности в истории: достижения и пределы. *Социум и власть*, 2018, № 2, с. 24–33.
- [14] Черногорцева Г.В., Нехамкин В.А. Диалогичность философского знания и возможность преподавания философии. *Гуманитарный вестник*, 2020, вып. 1. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2020-1-642> (дата обращения 07.10.2025).
- [15] Нехамкин В.А. *Альтернативы прошлого в философии истории (теоретико-методологический анализ)*. Автореферат дис. ... д-ра филос. наук. Москва, Издательство МГТУ, 2008, 32 с.
- [16] Тит Ливий. *История Рима от основания города*. Москва, Ладомир, 2002, 702 с.

- [17] Нехамкин В.А. Контрфактическое историческое моделирование К. Клаузевица: теоретико-методологический аспект. *Вопросы философии*, 2006, № 6, с. 105–115.
- [18] Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого. *Диалог со временем*, 2018, № 65, с. 336–352.
- [19] *Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера*. Москва, Наука, 1994, 720 с.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Нехамкин В.А., Черногорцева Г.В. Соотношение текста и контекста в светской герменевтике (на примере работы «О подложности Константинова дара» Л. Валлы): философско-исторический аспект. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 6. EDN KGOHEU

Нехамкин Валерий Аркадьевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия», МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: nechamkin@rambler.ru

Черногорцева Галина Владимировна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия», МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: irbiscotta@mail.ru

The Relationship between Text and Context in Secular Hermeneutics (on the Example of L. Valla's Work "On the Forgery of Constantine's Donation"): a Philosophical and Historical Perspective

© V.A. Nekhamkin, G.V. Chernogortseva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The formation of secular hermeneutics in the 15th century was examined from the perspective of philosophical and historical analysis. For this purpose, L. Valla's work "On the Forgery of Constantine's Donation" has been studied. The arguments used by L. Valla to substantiate the falsified nature of the mentioned document were reconstructed and critically analyzed. The influence of the context (the socio-political conditions in Italy in the first half of the 15th century) on the given text formation was shown. The influence of the works of ancient philosophers (Aristotle) and historians (Thucydides) on the L. Valla's work was demonstrated. The hermeneutic question of the relationship between text and context was introduced into a broader panorama of problems in the history philosophy. The influence of L. Valla's ideas on the subsequent development of hermeneutics was demonstrated.

Keywords: hermeneutics, text, philosophy of history, history, L. Valla, counterfactual modelling of the past

REFERENCES

- [1] Le Goff J. *Civilization of the Medieval West*. Oxford; Cambridge (MA), Blackwell, 1988 [In Russ.: Le Goff J. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992, 376 p.].
- [2] Gadamer H.-G. *Truth and method*. London; New York, Continuum, 1975 [In Russ.: Gadamer H.-G. Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneyvtiki. Moscow, Progress Publ., 1988, 704 p.].
- [3] Ricoeur P. *The conflict of interpretations: essays in hermeneutics*. Evanston (IL), Northwestern University Press, 1974 [In Russ.: Ricoeur P. Konflikt interpretatsiy. Moscow, Medium Publ., 1995, 406 p.].
- [4] Augustine. *On christian doctrine*. Oxford, Oxford University Press, 1995 [In Russ.: Augustine. Khristianskaya nauka, ili osnovaniya svyaschennoy germeneyvtiki i tserkovnogo krasnorechiya. Saint Petersburg, Bibliopolis Publ., 2006, 508 p.].
- [5] Thucydides. *History of the Peloponnesian war*. London, Penguin Classics, 1972 [In Russ.: Thucydides. Istoriya. Moscow, Lodomir Publ., 1993, 543 p.].
- [6] Aristotle. *The complete works of Aristotle*. Princeton, Princeton University Press, 1984 [In Russ.: Aristotle. Sochineniya. Moscow, Nauka Publ., 1983, 701 p.].
- [7] Gurevich A.Ya. O krizise sovremennoy istoricheskoy nauki [On the crisis of modern historical scholarship]. *Voprosy Istorii*, 1991, nos. 2–3, pp. 24–35.
- [8] Lotman Yu.M. *Vnutri myslyaschikh mirov. Chelovek—tekst—semiosfera—istoriya* [Inside thinking worlds: man—text—semiosphere—history]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1996, 464 p.
- [9] Gurevich A.Ya. *Istoricheskiy sintez i shkola "Annalov"* [Historical Synthesis and the Annales School]. Moscow, Indrik Publ., 1993, 328 p.

- [10] Valla L. *On the donation of Constantine*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 1922. [In Russ.: Valla L. Rassuzhdeniya o podlozhnosti tak nazyvaemoy darstvennoy gramoty Konstantina. Available at: https://drevlit.ru/texts/v/valla_podl1.php (accessed October 7, 2025)].
- [11] Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. *Introduction to the Study of History*. London, Duckworth & Co., 1898 [In Russ.: Langlois Sh.V., Seignobos Sh. Vvedenie v izuchenie istorii. Saint Petersburg, Obrazovatel'naya biblioteka Publ., 1899, 279 p.].
- [12] Lucian. *Selected Dialogues*. Oxford, Oxford University Press, 2008. [In Russ.: Lukian iz Samosaty. Izbrannoe. Moscow, Khudozhestvennoy literatury Publ., 1962, 514 p.].
- [13] Nekhamkin V.A. Modeli roli lichnosti v istorii: dostizheniya i predely [Models of the role of personality in history: achievements and limits]. *Sotsium i vlast*, 2018, no. 2, pp. 24–33.
- [14] Chernogortseva G.V., Nekhamkin V.A. Dialogichnost' filosofskogo znaniya i vozmozhnost' prepodavaniya filosofii [Dialogical nature of philosophical knowledge and the possibility of teaching philosophy]. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2020, no. 1. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2020-1-642>
- [15] Nekhamkin V.A. *Alternativy proshlogo v filosofii istorii (teoretiko-metodologicheskii analiz)* [Alternatives of the past in the philosophy of history: a theoretical and methodological analysis]. *Extended abstract of Dr. Sc. (Philosophy) dissertation*. Moscow, MGTU Publ., 2008, 32 p.
- [16] Livy. *History of Rome*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 1919. [In Russ.: Tit Liviy. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. Moscow, Ladomir Publ., 2002, 702 p.].
- [17] Nekhamkin V.A. Kontrafakticheskoe istoricheskoe modelirovanie K. Klauzevitsa: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Counterfactual historical modeling in C. Clausewitz: A Theoretical and Methodological Aspect]. *Voprosy filosofii*, 2006, no. 6, pp. 105–115.
- [18] Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. Kontrafakticheskoe modelirovanie proshlogo v obydennom poznanii: uroki dlya uchenogo [Counterfactual modeling of the past in everyday cognition: lessons for the scholar]. *Dialog so vremenem — Dialogue with time*, 2018, no. 65, pp. 336–352.
- [19] Diderot D., d'Alembert J. (eds.). *Encyclopedia: Selections*. Chicago, University of Chicago Press, 1969 [In Russ.: Filosofiya v entsiklopedii Didro i Dalambera. Moscow, Nauka Publ., 1994, 720 p.].

Nekhamkin V.A., Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: nechamkin@rambler.ru

Chernogortseva G.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: irbiscotta@mail.ru